

Олеся Рияко

В ЕГО ВЛАСТИ  
РЫЖАЯ НАЛОЖНИЦА НА УДАЧУ

18+

Олеся Рияко

**Рыжая наложница на  
удачу. В его власти**

«Автор»

2026

**Рияко О.**

Рыжая наложница на удачу. В его власти / О. Рияко — «Автор», 2026

Небо охвачено огнями вражеских залпов и мне больше некуда бежать. Но смерть не торопится забрать свое – так неужели что-то еще осталось у меня, беженки с захваченной врагом планеты? У сироты, лишенной даже имени? Только случай мог свести вместе таких разных людей, и теперь уже никто не в силах предсказать, что случится, если в черной душе безжалостного убийцы найдется место для неуместных чувств. Ясно одно – в этом неравном бою никто не сдастся. Каждый из нас будет биться до последней капли крови!

© Рияко О., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог. И вспыхнет пламя          | 5  |
| 1. Имя 98 1567                    | 8  |
| 2. Красное на красном             | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 15 |

# Олеся Рияко

## Рыжая наложница на удачу. В его власти

### Пролог. И вспыхнет пламя

Огонь был повсюду — сполохи пламени, крики, яркие вспышки и пронзительный гул плазменных выстрелов. Я закрыла лицо руками и вжалась в землю сильнее, лишь бы не видеть и не слышать. Ниже, как можно ниже. Но в этом не было толка.

С ужасом вдыхая пыль и золу, я думала только об этих перекрёстных вспышках в небе. Любая могла убить меня или покалечить. И, в общем-то, неважно, увижу я её перед тем или нет.

Только бы выжить.

Нет, я не ожидала, что после всех лишений жизнь покажется мне таким бесценным сокровищем! Но именно теперь, когда мир вокруг рушился, горел и вопил от боли, я острее всего ощущала потребность просто дышать. И знать, что моё «завтра» несмотря ни на что наступит.

— Маат, о Солнцеликая, — шептала я одними губами, припав влажным лбом к дорожной пыли, — позволь ещё узреть твой восход! Не забирай меня к себе так рано, я не готова встретиться с тобой, прошу.

Но ответа на молитву не было — пылающий мир вокруг казался лишённым божественной благодати. Здесь всё творилось по воле лишь одного небожителя. Того, который именовал себя Императором и считал, что владения его — весь бесконечный космос.

С момента высадки первой волны имперского десанта на Нарвиби прошло не больше часа. Но от некогда крепкого, как гранит, единого фронта обороны Корпуса Кри остались лишь небольшие изолированные узлы сопротивления.

Люди отчаянно противостояли натиску имперцев. Однако то, что не могли союзники в течение шести лет, элитные части войска Императора с лёгкостью сделали за неделю. При помощи непрерывных орбитальных обстрелов планеты и всего нескольких решительных боевых операций.

Уничтожение сторожевого флота повстанцев на орбите Луны-1, захват штаба и всей противокосмической обороны Нарвиби на Луне-3. Затем безжалостные удары по военным и промышленным центрам, падение Дворца Свободы и, в конце концов, большинства городов планеты. Теперь флот Империи и союзников от нечего делать превращал в пыль многочисленные поселения беженцев и другие незначительные объекты, не затронутые недельными обстрелами.

«Осмелившиеся противиться Империи не заслуживают пощады» — таково наставление кровавого Бога своей пастве.

Выстрелы стихли, и я отняла лицо от ладоней, позволив себе оглядеться, не поднимая высоко головы. Вокруг полыхали шаткие деревянные постройки, прореженные лазерами и разнёсённые взрывами тинитовых направленных зарядов. Где-то позади надрывно кричал мужчина, моля о помощи. Воздух мерзко пах жжёной резиной, сеном, которым покрывали крыши, и палёными волосами. Ко всему этому примешивался и другой, сладковатый запах, но я старалась не думать о нём. Не искать его источник даже в мыслях.

Это был не конец.

За ударом с воздуха всегда следуют наземные силы — я успела усвоить это за свои неполные двадцать. С небес вот-вот должны были спуститься приближённые слуги самого Импера-

тора. Элитные части, созданные сеять смерть и разрушения, исполняя тем самым волю своего Бога.

Им больше некому было противостоять. Судя по тому, что вокруг не осталось ни души, бойцы местного ополчения были либо смешаны с грязью, либо в панике бежали в леса. Здесь не было никого, кроме трупов, редких раненых и меня, ждущей неизбежной смерти, брошенной всеми на произвол судьбы.

Возможно, то были мои последние минуты, но сознание отказывалось принять правду, смириться со скорой и неминуемой гибелью.

Нет, нет и нет! Я прожила слишком мало и слишком много потеряла на этой чужой войне — родителей, братьев и даже собственное имя.

Всего полгода назад меня, еле живую, вместе со старшим братом эвакуировали из зоны конфликта на Карезии, нашей родной планете. Это казалось спасением, настоящим чудом! Отец грезил о том, как мы всей семьёй переберёмся на Нарвиби под защиту могущественного Корпуса Кри. Потом внезапное предательство одного из дипломатов Карезии привело к вторжению, а после — и к бегству выживших на дипломатическом крейсере, в отсеках для отработанной воды. В одном из них брат подхватил заражение крови, и я стала круглой сиротой.

У сирот нет выбора — и по прибытии на Нарвиби меня ждала новая жизнь, совсем не похожая на ту, что рисовал в своих мечтах отец. В моих силах было лишь смириться с судьбой и благодарить Маат за то, что всё случилось так, а не иначе. По крайней мере, мне самой удалось выжить.

Свободная и независимая, эта планета в условиях тяжёлой политической, а как следствие, и торговой блокады жила по чрезвычайному порядку управления. Он мало чем отличался от людоедского имперского тоталитаризма. Все трудоспособные мужчины без достатка и уникальных умений поступали в Корпус пехотинцами, а все женщины без семьи отправлялись в поселения — в лагеря, рабочей силой. Фактически становились рабами. Ведь вместо имени им приписывался номер, а к номеру полагался план. Не выполняя его, можно было не только остаться без еды, но и попасть на более тяжёлую работу — в урановые шахты, выгребные ямы или на переработку шлама.

С момента прибытия на Нарвиби меня звали 98 1567, и я запретила себе вспоминать прежнее имя. Запретила себе жалеть себя, ведь иначе просто невозможно было сохранить рассудок! Но никакие лишения не шли в сравнение с тем, что я испытывала здесь. Лёжа на земле, покрытой пеплом от пожаров и человеческих тел, ожидая прихода солдат, от которых уже некуда было бежать.

На тысячи световых лет изведанного пространства миром правила Империя и содружество её нобилитетов, главы которых целовали мрамор, по которому ходил Император. А Корпус Кри был последним значимым оплотом сопротивления. Если его вообще можно было так называть после битвы за Вельскую систему планет. Ведь тогда погибли не только основные силы, но и флагман кампании с представителями от всех трёх противостоящих Империи систем.

Этот маленький, ничтожный в масштабах Империи клочок звёздной карты на отшибе галактики, должно быть, даже не интересовал имперцев. Пока Корпус Кри не осмелился перехватить один из их визионерских звездолётов — исследовательское судно, неизвестно зачем оказавшееся в этой части космоса.

Затишье подошло к концу.

Земля содрогнулась у меня под ногами — где-то со стороны леса раздался низкий протяжный гул. Такой громкий, что каждая клеточка моего тела завибрировала в ответ.

Сигнал к высадке — десант содружества прибыл.

Я уже слышала этот звук на Карезии. В тот день, когда в последний раз обнимала отца и видела здоровым единственного выжившего брата.

Обезумевшие инстинкты подняли меня на ноги, и я побежала, не разбирая пути, прочь от гула. Совершенно не осознавая, что делаю, на непослушных ногах неслась по заваленной обломками тропе меж пылающих построек. В голове не осталось мыслей, только страшное животное желание выжить. Спрятаться, отсидеться, не дышать и не двигаться, пока всё это наконец не закончится!

Сильный удар в спину выбил у меня землю из-под ног — залп из гравитационной пушки сравним с ударом десятикилограммового мешка с песком. Лёжа ничком и чудом оставаясь в сознании, я не могла сделать даже маленький вдох — наверняка были сломаны рёбра. Спустя мгновение перед самым моим носом появилась пара высоких чёрных ботинок.

Не церемонясь, брезгливо, солдат перевернул меня носком. Жалкую, корчащуюся от боли и нехватки воздуха в лёгких.

Сквозь пелену асфиксии, застилавшую глаза, я разглядела его серую с красным форму и защитный шлем с эмблемой — хищной птицей, знаком имперской армии.

Последним, что осталось в памяти, был этот стилизованный орёл, сжимавший в обеих лапах кольцо — символ всего изведанного и неизведанного мира.

Мира, который принадлежал Императору.

Мира, в котором мне больше не было места.

## 1. Имя 98 1567

Яркий свет жёг глаза даже сквозь веки. Тело казалось ватным и каким-то чужим. Все мышцы распухли и отказывались повиноваться. Я чувствовала такую слабость, что не нашла бы сил даже пошевелить рукой.

Рядом со мной, в этой слепящей белой тишине, что начиналась сразу за непослушными веками, кто-то был. Я отчётливо слышала чужое спокойное дыхание и различала движения тени прямо надо мной.

Постепенно глаза привыкли к свету, и я смогла приоткрыть их.

Помещение вокруг было совершенно непохоже ни на что мне известное. Обширная прямоугольная комната больше напоминала коридор. По одной стороне рядами стояли высокие металлические койки с полупрозрачными неткаными балдахинами, по другой шли полки и шкафчики с датчиками, которые пульсировали каждый в своём темпе.

И здесь я была не одна. Справа от меня стоял высокий широкоплечий мужчина, облачённый в белый комбинезон с нашивками на обеих руках. Воротник-стойка плавно переходил в маску, скрывавшую половину его лица, — открытыми оставались только глаза. Незнакомец что-то сосредоточенно собирал на металлическом приставном столике у самых моих ног и дышал шумно.

Символы на нашивках были мне не знакомы, впрочем, как и форма, в которую был облачён этот человек.

Почувствовав на себе взгляд, мужчина в белом мельком посмотрел на меня, после чего достал что-то из нагрудного кармана и приложил к моей правой руке чуть выше локтя.

Мгновение — и по венам будто пустили сотни острых игл. Но вместе с тем тело начала покидать вялость, а сознание вмиг прояснилось. Дыша глубоко и громко, я выгнулась и попыталась встать, однако руки и ноги оказались притянуты к койке ремнями.

От сонливости и слабости не осталось и следа. Им на смену пришла паника и тот ужас, в момент которого меня совсем недавно покинуло сознание.

Мужчину в белом комбинезоне, похоже, забавляло моё замешательство. Он поднял со стола небольшой полупрозрачный планшет и растянул его, чтобы вывести на экран больше информации. Данные — изображения, цифры, надписи — переливались на поверхности неоновом-синим и красным свечением, сменяя друг друга. Человек то смахивал их в сторону, то растягивал пальцами, желая рассмотреть подробнее.

У меня никогда не было доступа к такой технике. Но я не раз видела, как работают с похожими устройствами контроллеры, принимавшие норму выработки по сбору каучука на плантации, к которой меня приписали на Нарвиби.

— Имя, — ровным тоном сказал мужчина, не глядя на меня. Карезийский из его уст звучал грубо и неестественно. — Назови имя. — Каждое слово он произносил с задержкой, вероятно, из-за синхронизатора речи.

— Нет имени, — сипло произнесла я. В горле так пересохло, что каждый звук впивался в него осколком стекла. — У меня нет.

Мужчина оторвал взгляд от планшета и не терпящим отказа тоном вкрадчиво повторил:

— Назови имя.

— 98 1567. — Больше мне нечего было ему предложить. Но он даже глазом не повёл, просто записал сказанное. Мне показалось, что записал.

— Кто семья, — снова без интонации и с акцентом произнёс он. — Кто жив, не знаешь, мёртв или жив.

В ответ на моё молчание он, не глядя, пнул койку, так что всё внутри меня сжалось от неожиданности.

— Все мертвы. Никого не осталось! — почти выкрикнула я, и внутри что-то оборвалось. Слезы неудержимо полились из глаз.

— Сколько жила на Нарвиби?

— Меньше пяти месяцев.

— Сколько жила на Карезии?

— Всю свою жизнь.

Снова резкий пинок, и я сжалась, лихорадочно прикидывая точный срок.

— Семнадцать лет и четыре месяца. И ещё год на орбите, я родилась на орбите! — прокричала я, давясь слезами. — Что со мной теперь будет? Прошу, скажите, где я?

Вместо ответа мужчина вновь вытащил тот продолговатый предмет. Но на этот раз приложил его не к руке, а чуть повыше ключицы, моментально погасив вокруг свет, ощущения, звуки.

\*\*\*

Я открыла глаза в совершенно другом помещении. Это явно была жилая комната. Просторная, но с невысоким потолком. Такая, какие бывают на кораблях. Огромное продолговатое горизонтальное окно и неравномерная обшивка стен из пластин со встроенной голубоватой подсветкой указывали на это почти наверняка.

На Карезии мой отец работал механиком на разборной базе. На «кладбище космического хлама», как он её называл. Владелец базы жил и вёл дела на одном из имперских крейсеров, от которого мало что осталось, кроме кают-компаний. Но именно то, что видела я, будучи маленькой девочкой, приходя с отцом в день оплаты, навсегда закрепились в моём сознании синонимом слова «роскошь».

Эта комната была такой же. Только вещей и мебели в хоромх владельца разборной базы было в разы больше, а вот световых панелей едва ли набрался бы десяток.

Я лежала на кровати посреди большого помещения, обставленного минимумом предметов, каждый из которых на Нарвиби стоил бы целое состояние. Здесь были почти только необходимые вещи: кровать, письменный стол и два кресла — одно для хозяина, другое, вероятно, для гостя. Несколько раритетных светильников на потолке и стенах разместили именно для украшения. Света в каюте хватало и без них. Но и кровать, и стол, и кресла были сделаны из удивительного материала — чёрного дерева, лоснящегося в свете старых ламп и стеновых панелей.

Страшно было даже подумать, сколько за него сейчас можно выручить на чёрном рынке! Тот же владелец разборки озолотил бы меня, принеси я хоть ножку вон от того кресла.

Я поднялась и обошла комнату. Точнее... каюту. Одна из стеновых панелей при моём приближении отъехала в сторону, открыв индивидуальную уборную. Не чувствуя ног, я бросилась к раковине и прильнула к крану с ледяной и безумно вкусной водой. Мне так хотелось пить, что я не могла остановиться, даже когда поняла, что воде больше уже некуда литься!

Повторный осмотр каюты не дал других результатов. Ни одна из панелей не походила на дверь. Даже иллюминатор не разблокировался при моём приближении, сколько бы я ни пыталась с ним взаимодействовать. Письменный стол и кресла оказались именно тем, чем и были, только вот в столе не нашлось ни ящиков, ни полок. Просто стол и просто кресла.

Красивая, почти роскошная каюта на самом деле являлась клеткой. Главный вопрос состоял в том, зачем кому-то запирают в такую клетку именно меня. Дочь механика, сборщицу каучука с Нарвиби, планеты которой, вероятнее всего, больше нет.

Поразмыслив и решив, что ответы наверняка ждут меня впереди, я сочла нужным сделать единственное, что могло помочь скоротать время, — пошла в душ.

Простое человеческое желание очистить тело и расслабить напряжённые мышцы. Давно я не позволяла себе даже мечтать о таком, казалось бы, обыденном, ничтожном.

На Нарвиби душ представлял собой большую бочку с водой, к которой была приделана лейка. За день её нагревало солнце, и можно было смыть с себя пот и грязь после работы. Но на всё про всё выделялось лишь пять минут — две на то, чтобы намылиться, и три на само омовение. Где уж тут думать о расслаблении!

Воды было немного, недостаточно для количества желающих, и лишние минуты под лейкой служили в нашем женском трудовом лагере своеобразной разменной монетой. Правильно уступив их, можно было получить что-то необходимое и дефицитное — например, лекарства или косметику. Вода на Нарвиби добывалась долго и тяжело, ведь это планета подземных рек и морей.

Впервые, должно быть, за всю жизнь я ни в чём себе не отказывала и просто стояла под тёплыми струями. Вероятно, полчаса или даже дольше. Всё дивилась тому, что вода не заканчивалась ни на минуту. Нет, дивилась тому, что до сих пор дышу, несмотря ни на что. А может, и нет? Может, всё это — просто сон умирающего разума?

Я тщательно вымылась ароматным мылом, найденным там же, и вытерлась мягким полотенцем. Удивительно мягким — ничего подобного я прежде даже не касалась. Одна из панелей возле полки отъехала, и я поначалу действительно испугалась. Пока не удостоверилась в том, что передо мной не другой человек, а моё собственное отражение.

Разумеется, я и раньше видела себя — в стёклах кабин, в металлических деталях корпусов различной техники. Было на Нарвиби и медное зеркало, сделанное женщинами из расплюсненной гидропрессом шестерни, которую затем отполировали до блеска и повесили при выходе из общего душа. Но это было совсем не то же самое, что смотреться в настоящее чистое стекло, обработанное особым образом.

Из него на меня глядела измождённая, очень худая, но всё же красивая девушка с большой непослушной копной рыжих волос. Я и не подозревала, что выгляжу именно так!

Рассматривая себя впервые по-настоящему, я отметила, что мне нравятся мои большие зелёные глаза и не нравятся пухлые губы. А ещё большой розовый шрам над пупком, который я получила ещё в детстве, когда упала на арматуру, неудачно сыграв с братьями в догони-запятнай.

Покинув душ, я ещё немного побродила по просторной каюте, после чего вернулась в постель. Тёплая вода расслабила мышцы, и это странным образом сгладило тревогу. Усталость, а может, и остаточное действие препаратов, которые ввёл мне тот человек в белой форме, туманили сознание. Сопrotивляться накатывавшей дреме было трудно, и, едва позволив себе закрыть глаза, я тут же уснула.

Мне снилась Карезия и братья, которые никак не соглашались пойти вместе со мной посмотреть на чудесную комнату с душем, где можно мыться сколько угодно долго.

Сон оборвал резкий звук отъезжающей в сторону панели — от него я очнулась быстрее, чем вспомнила, где нахожусь. Когда же зрение наконец сфокусировалось, у одной из стен я увидела высокого мужчину в чёрной имперской форме и инстинктивно вжалась в спинку кровати.

## 2. Красное на красном

Он смотрел на меня, не отводя взгляда пронзительных карих глаз. Не моргая, что безмерно пугало. Было в его взгляде что-то хищное — он словно видел перед собой не живое существо, а разглядывал одно из кресел в своей комнате.

Мужчина был ещё молод, вероятно, не старше тридцати. Резкие черты лица только добавляли ему сходства с хищной птицей: длинный прямой нос, высокие скулы, широкая челюсть с сильным подбородком, яркие карие, почти чёрные глаза и густые брови. Тёмные волосы волнами спадали ниже плеч. Это казалось странным, ведь в рядах имперских войск было принято стричься очень коротко, почти полностью сбривая затылок.

Форма на нём не показалась мне знакомой. Штурмовики и простые солдаты носили в основном серые куртки, жилеты и комбинезоны с чёрными берцами и таким же шлемом. Но этот мужчина был облачён в чёрное с головы до пят. Только нашивка на правой руке выглядела обычной, за исключением цвета эмблемы — орёл на ней был золотым, а не красным.

Не говоря ни слова, имперец разглядывал меня некоторое время, а потом всё так же безразлично отвернулся и направился к панели на стене, за которой скрывался душ. Та послушно отъехала, укрыв высокого человека в маленьком помещении.

Оставшись снова одна, я почти слетела с кровати и бросилась к той стене, возле которой появился незнакомец. Принялась ощупывать её и водить руками в поисках сенсоров, но всё безуспешно. Ни один сантиметр не давал и намёка на дверь. Должно быть, датчики движения были запрограммированы на генетический ключ, а значит, выхода для меня нет.

Звук отъезжающей панели повторился за спиной — мужчина вышел из душа. Его тело покрывало только полотенце, сцепленное краями на бёдрах.

Всё внутри у меня в тот миг сжалось. Было ясно, что просто так ни один имперец не стал бы вести себя подобным образом в моём присутствии.

О том, что штурмовые отряды насилуют женщин на захваченных территориях, сопротивленцы любили рассказывать в своих агитационных речах не меньше, чем те же имперцы — о сопротивленцах. И те, и другие регулярно проводили работу с населением своих дистриктов по профилактике оппозиционных настроений, вбивая хтонический страх в глотки людей чуть ли не сапогами.

Вот только захват территории — что на Карезии, с которой я бежала ещё девочкой, что на Нарвиби — больше походил на зачистку, без цели оставить кого-то на потеху солдатне. Было абсолютным чудом уже то, что я сама выжила. И безумно странным — что для доставки меня, бесправной, грязной беженки, сюда приложили столько усилий.

Этот имперец явно не был простым солдатом, в том даже глупо было сомневаться: дорогая каюта, необычный, вычурный мундир, не по форме длинные волосы и этот взгляд.

В ужасе осознания я смотрела, как мужчина, обнажённый по пояс, направляется к стене у рабочего стола и наливает что-то в металлический бокал, извлечённый из панели, отъехавшей при его приближении.

Имперец был высок и хорошо сложен, но всё его тело покрывали следы минувших боёв. Сильные руки хранили много порезов, от левого плеча до поясицы извивался рубец со следами от швов. Но самым страшным было большое розовое выпуклое пятно между грудных мышц. Такой шрам мог остаться, только если бы из тела вырвали кусок, который затем заполнился рубцовой тканью.

— Я... я... — я начала говорить, не продумав, что скажу. Меня мгновенно бросило в ледяной пот, а к лицу и шее прилила краска, наверняка сделавшая цвет волос ещё более ярким.

Мужчина обернулся ко мне и, не отводя взгляда, залпом выпил налитое.

Так смотрят хищники на своих жертв, если знают, что тем некуда бежать. Ничего не сказав, он просто убрал бокал обратно в потайной бар и вернулся за стол.

Меня для него в комнате не было. Он принялся за какие-то свои дела: провёл ладонью по гладкому дереву, отчего поверхность подсветилась синим, и над ней воспарили несколько экранов с рядами цифр и символов. Мужчина стал сосредоточенно их изучать и вводить данные при помощи панели, которая материализовалась следом. Он всем видом давал понять, что я в этой комнате не более чем вещь.

Не зная, что должна делать, что могу делать, я двигалась почти по стенке, вернулась к кровати и села на её край.

Мужчина работал не отвлекаясь, должно быть, около часа. За это время я успела рассмотреть каждый сантиметр вокруг, потому что старалась не глядеть на то, что пугало меня больше всего. На хозяина этой комнаты. А теперь, наверное, и моего хозяина.

Но чего же он хочет добиться от меня, демонстрируя эту отстранённость? Чтобы я приняла свою безвольность? Смирилась с ней?

А было ли с чем смиряться? Ведь каких-либо прав я лишилась ещё когда только покинула родную планету!

На Нарвиби у меня, по крайней мере, всё ещё оставалось что-то своё — право на достоинство. Да, я работала на каучуковой плантации, но это давало мне кров и пищу, а также дело и место в жизни. Пусть оно и ограничивалось кроватью и тумбочкой в общей женской комнате, зато никто никогда не обращался со мной как с собственностью. Я была вольна уйти с плантации и свободно умереть от голода и болезней в лесах Нарвиби. Или, пойдя в противоположную сторону, обезуметь от жажды и зноя в Нарвибской пустыне. Теперь же моё положение было однозначным: этот человек владел мной, как вещью. И уже не так важно, для чего я ему понадобилась — для удовлетворения потребностей, жертвоприношения или даже ужина.

Что же оставалось — сопротивляться? Но попытаться напасть на него было бы самым бессмысленным поступком из всех: я была вдвое меньше этого верзилы, и в его боевом опыте сомневаться мне не приходилось.

Даже если бы мне удалось неведомым образом подкрасться к имперцу сзади, даже застань я его врасплох, покинуть эту каюту я всё равно бы не смогла. А значит, оставалось только сидеть и молча ждать своей участи.

Сопротивление — это самоубийство, на такое я была не готова. Ведь уйти из жизни по своей воле значит больше не увидеть братьев и отца! Моя вера была строга на этот счёт: ни простой женщине, ни мужчине нельзя перейти границу миров по собственному желанию. Сделать это может только воин или жрица, да и то не при любых обстоятельствах.

Я почувствовала на спине чужой взгляд и медленно обернулась. Мужчина действительно смотрел на меня. Хищно, сосредоточенно, как и раньше, — это ужасало меня до боли в напряжённых мышцах!

Сказать ему что-то? Но что? Вдруг он не говорит на моём языке? Или вообще не говорит? Или мне нельзя с ним заговаривать?

Страх смерти странно перемешался в моём сердце с готовностью к худшему. И мысль о том, что мужчина не собирается меня убивать, пугала ещё больше. Каких только историй женщины из моего посёлка не рассказывали об имперцах и о том, что они делают с пленными!

— Что за странное имя? — Голос его был низким и невероятно чётким. В моём перепуганном сознании родилась совсем абсурдная мысль, что он и вовсе не принадлежит своему обладателю — так мягко и глубоко звучал.

— Это мой номер прибытия. Я беженка с Карезии...

— Я спросил не это, — недовольно оборвал он. — Почему ты назвалась этим номером, а не своим именем?

В голосе имперца не было и намёка на беседу — это был даже не командный, а допросный тон. Я сжалась ещё сильнее, внутри всё окончательно заледенело от страха. Было жутко осознавать свою незащищённость и то, что любое неверно сказанное слово может привести к неизвестным последствиям.

— Когда умирают все члены семьи, — попыталась объяснить я, — женщина не может взять имя, пока не найдёт новую семью, которая ей его даст.

— Глупее ничего в жизни не слышал. Как тебя звали при рождении?

Я почувствовала, как немеют лицо и руки. После смерти близких нельзя больше называть себя старым именем — это может привести к страшному, к проклятию. Поэтому я решила придумать другое, чего делать тоже было нельзя, но это всё же лучше, чем ничего.

— Агна.

Мужчина усмехнулся, но эта ухмылка не имела ничего общего с весельем.

— Насколько же ты глупа... Агна? Скажи, зачем ты здесь?

Моё лицо снова залила краска, взгляд остекленел. Было страшно выдать любую из тех версий, что вертелись у меня в голове с того самого мгновения, когда я проснулась и увидела его.

— Рискну предположить, что у тебя есть пара идей на этот счёт, так? — Ответа он вряд ли ждал, но я всё же кивнула, испытав немного облегчения оттого, что не придётся озвучивать свои догадки. — Тебе посчастливилось остаться в живых из-за цвета волос. В Империи есть глупое суеверие о том, что рыжеволосые женщины приносят удачу. Забавно, правда? К сожалению, проходят столетия, а люди всё продолжают возвеличивать чушь и верить в неслучайность совпадений. Поскольку я так и не обзавёлся цифией за все мои пять лет на этом крейсере, мой понтий решил преподнести мне подарок в честь взятия Нарвиби и сокрушения Кри. Отказаться, к сожалению, я не могу.

Сказав это, он на мгновение замолчал, оценивающе оглядев меня. Нервно постучал длинными пальцами по столу и продолжил:

— Тебе важно запомнить правила, поэтому слушай внимательно — я никогда не повторяю. Я не хочу тебя слышать. Не хочу тебя видеть. Поэтому, когда я нахожусь здесь, ты должна занимать как можно меньше пространства и дышать как можно тише. Бываю я тут редко и недолго, так что это не составит для тебя большой проблемы. Ещё я не хочу о тебе думать, поэтому даже не начинай размышлять о побеге или прочей блажи. Это имперский крейсер — ты покинешь его только через люк для отходов. Ты должна понять, что жива до сих пор лишь потому, что тебе повезло родиться рыжей, и какой-то солдат решил: прежде чем смешать твой пепел с землёй, неплохо бы удостовериться, что ты действительно не представляешь ценности. Поэтому лучше считай себя почти что мёртвой. Если тебе удастся соблюсти все эти правила на протяжении нескольких последующих лет, я избавлюсь от тебя при первой же возможности. Поверь, именно этого я хочу на самом деле. Не доставишь проблем — уйдёшь живой. Но если решишь усложнять мне жизнь, я придумаю способ более практичный. Кивни, если согласна.

Я сразу же кивнула, чувствуя, как мелкая дрожь сотрясает руки. Это не было надеждой на жизнь, но всё же походило на неё!

— Ещё одно. Твои предположения верны — тебе всё же придётся быть цифией, хотя я и не вижу в этом необходимости. Но вас обслуживает персонал из медкорпуса, и я не хочу, чтобы понтий счёл, будто я недоволен его подарком.

Струна внутри меня натянулась и оборвалась. Он говорил о том, что будет со мной спать. Я не знала, что делают цифии и кем вообще являются, но разговор подводил именно к этому. Я посмотрела на него, и мой пунцовый румянец точно сменила бледность. Во взгляде мужчины не было ничего даже отдалённо похожего на то, как иные представители его рода смотрят на женщин. И да, у меня никогда не было хоть какой-нибудь связи. Единственным мужчиной в нашем поселении был надзиратель — старший распределитель, которому перевалило за семь-

десять. Старого ворчливого мужика интересовало только выполнение плана да табак, что он против правил растил в делянке за своим домом.

— Мне не интересно, — сказал имперец. — И не думай, что интересна мне ты. Я считаю, что легионер любого порядка не нуждается ни в чём, кроме мундира, оружия и устава. А все эти позыменты, — он брезгливо обвёл взглядом свою каюту, — все эти животные потребности не более чем пыль в глаза новобранцам и малодушным. А теперь раздевайся и ложись.

Теряя грань между реальностью и каким-то больным кошмаром, я поднялась на негнущиеся ноги и трясущимися руками принялась расстёгивать на себе одежду.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.